

К 250-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Е.Е. Милановский

Г.И. ФИШЕР ФОН ВАЛЬДГЕЙМ И ЕГО ВРЕМЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1804—1835)

*“С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды...”*

А.С. Пушкин
Евгений Онегин, гл. 2

В 1804 г. в истории Московского университета произошло событие, имевшее важное значение для развития естественных, в частности геологических, наук в России и создавшее необходимые благоприятные предпосылки для формирования в его стенах отечественной геологической школы: попечитель Московского университета и бывший его питомец, товарищ Министра народного просвещения Михаил Никитич Муравьев пригласил немецкого учено-натуралиста Готгельфа Фишера (1771—1853), в то время занимавшего кафедру естественной истории Майнцкого университета, для постоянной работы в университете в качестве ординарного профессора по создаваемой “Демидовской кафедре естественной истории” и директора Университетского музея естественной истории. По прибытии в Россию и получении российского дворянства он стал именоваться Григорием Ивановичем Фишером фон Вальдгеймом (от названия городка Вальдгейм в Саксонии, где он родился). Ко времени своего приглашения на работу в Московский университет Г. Фишер, которому едва исполнилось 33 года, уже завоевал европейское признание как талантливый, широко образованный, разносторонний и деятельный ученый, он приобрел известность своими работами в области зоологии, сравнительной анатомии, медицины, минералогии, а также музейного дела и истории книгопечатания.

Г. Фишер родился в семье саксонского помещика, учился во Фрайбергской гимназии, а затем — в старейшей в Европе Фрайбергской горной академии, где был одним из самых одаренных и преданных воспитанников знаменитого минералога и геолога конца XVIII — начала XIX в. А.Г. Вернера (1749—1817). В бытность свою студентом Фишер тесно сблизился с будущими выдающимися геологами первой половины XIX в. — А. Гумбольдтом и Л. фон Бухом.

Окончив в 1792 г. Фрайбергскую горную академию, Г. Фишер продолжил образование в Лейпцигском университете, где изучал медицину и получил степень бакалавра (1794), а также в университетах Иены, Галле и Геттингена, в последнем в 1797 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины. В 1797 г. вместе с братьями А. и В. Гумбольдтами

Г. Фишер отправился в Вену, а затем в Париж, где систематически работая в Национальном музее естественной истории (Jardin des plantes) по сравнительной анатомии, близко познакомился и подружился с Ж. Кювье, а также сблизился с биологами Ж. Сент-Илером и Ж.Б. Ламарком и геологом А. Браньяром. В 1802—1803 гг. Фишер опубликовал двухтомное описание Парижского национального музея естественной истории.

В 1797 г. Фишера пригласили в качестве профессора натуральной истории и главного библиотекаря в Майнцкий университет. В Майнце, входившем в те годы в пределы Франции, он читал лекции по сравнительной анатомии и типографскому искусству и в течение трех лет привел в порядок огромную университетскую библиотеку, составил ее каталог в 30 томах и опубликовал две замечательные моногра-

фии по истории книгопечатания и деятельности его основоположника И. Гутенберга.

В германский период своей деятельности Г. Фишер познакомился также с И. Гете, Ф. Шиллером и некоторыми другими выдающимися деятелями немецкой культуры и на всю жизнь сохранил глубокий интерес к немецкой литературе, особенно к поэзии, и музыке.

Из сказанного видно, сколь успешной, продуктивной и разнообразной была научная деятельность Г. Фишера в Германии, Австрии и Франции, сколь плодотворным было его общение и сотрудничество с учеными этих стран. Поражает необычная даже для того времени широта знаний и интересов молодого Фишера, которые охватывали, с одной стороны, многие направления естественных наук — геогнозию (т.е. геологию), ориктогнозию¹ (т.е. минералогию), палеонтологию, зоологию, сравнительную анатомию, медицину, а с другой — музееведение, библиотечное дело, историю и технику книгопечатания, языковедение, художественную литературу и музыку. И во многих этих направлениях благодаря своей любознательности, необычайной работоспособности, организованности, трудолюбию, стремлению к систематизации знаний и просветительству уже в первые годы XIX в. Фишер завоевал широкую известность и заслуженный авторитет в Германии, Австрии, Франции и в некоторых других западноевропейских странах, а также прочное и обеспеченное положение одного из ведущих профессоров Майнцского университета.

Тем не менее, когда в 1804 г. Г. Фишер получил приглашение из Москвы продолжить свою научную карьеру в далекой и незнакомой ему России, языка которой он совсем не знал, как, впрочем, почти ничего не знал об истории и природе этой обширной страны, лежащей на восточной окраине Европы, — он, притом почти без колебаний, принял это приглашение, посвятил всю свою дальнейшую жизнь и отдал свои силы и знания благородному делу просвещения и естественно-научного изучения своего новообретенного отечества — России.

Такой крутой и резкий поворот в избранной им дороге жизни на первый взгляд кажется довольно странным и, может быть, даже несколько легкомысленным и авантюрным. Однако, по всей вероятности, он хорошо понимал, что работа в России, где научная жизнь, по существу, еще только зарождалась в стенах первого российского университета, открывала ему такие широкие возможности для систематической исследовательской и педагогической, просветительской деятельности, о которых он, оставаясь в одной из стран Западной Европы, не мог и мечтать. Выбор, сделанный Г. Фишером, его последующую судьбу и результаты научной деятельности в

России можно сравнить с судьбой и итогами творческой работы в нашей стране его предшественника, замечательного естествоиспытателя-энциклопедиста второй половины XVIII в. П.С. Палласа (1741—1811), более 30 лет посвятившего изучению природы Поволжья, Урала, Сибири, Забайкалья, а также Крыма и Предкавказья, и младшего современника Фишера — геолога и вулканолога Г.В. Абиха (1806—1886), отдавшего 36 лет изучению Кавказа и Армянского нагорья. Но в отличие от Палласа и Абиха, Г.И. Фишер фон Вальдгейм не вернулся в старости на родину предков, а умер в Москве и был похоронен на Введенском (Немецком) кладбище.

Судя по значительным результатам первых восьми лет энергичной и разносторонней работы в России, вплоть до вторжения Наполеона и пожара Москвы в 1812 г., Г. Фишер к моменту приезда в Россию уже наметил план деятельности, который он сразу начал успешно и быстро осуществлять. Этот план включал приведение в порядок, систематизацию (на основе разработанных им принципов) и пополнение коллекций уже существующих и создание новых естественно-научных музеев Московского университета, а также публикацию их полного описания; чтение лекций по ряду естественных наук в качестве профессора Московского университета (а позднее и Медико-хирургической академии); научные исследования в области геологического строения и фауны европейской части России, прежде всего Московской губернии, и публикацию их результатов в виде монографий и других трудов и, наконец, создание при Московском университете первого в России общества натуралистов — Московского общества испытателей природы. Фишер много лет руководил его деятельностью, издавал его труды, научный журнал (Бюллетень МОИП), он также активно участвовал в работе некоторых других научных обществ. Даже беглое перечисление главных направлений и результатов деятельности Г. Фишера в России вызывает изумление, как мог один, даже широко образованный иностранный ученый, не зная ее языка и мало зная о ее природе, народах, об истории и общественной жизни, сделать так много за отведенные ему судьбой 48 лет (а по существу — не более 30—35 лет, так как к концу жизни он постепенно ослеп и вынужден был сократить, а затем и прекратить научную работу).

Как уже говорилось, в 1804 г. Г. Фишеру было предложено занять создаваемую на средства, а точнее, на доходы с капитала, положенного на эту цель одним из богатейших российских промышленников и просвещенным любителем естествознания П.Г. Демидовым, кафедру натуральной истории (так называемую “Демидовскую кафедру”)². Возглавляя

¹ Г. Фишер, как и его знаменитый учитель во Фрайбергской горной академии А. Вернер, предпочитал термины “ориктогнозия” и “ориктология”, целиком построенные из древнегреческих корней (ориктос — ископаемое, *греч.*), термину “минералогия”, составленному из латинского и греческого корней, что в научной терминологии считается недопустимым или во всяком случае крайне нежелательным.

² Одновременно по новому Уставу Московского университета 1804 г. вместо ранее существовавшей кафедры натуральной истории создавались самостоятельные кафедры зоологии, ботаники и минералогии.

эту кафедру, Г. Фишер с 1805 г. и на протяжении более 30 лет читал в Московском университете (на латинском, а также на французском и немецком языках) курсы ориктогнозии (или минералогии) и зоологии и опубликовал многочисленные научные труды, а также учебные пособия по этим дисциплинам.

Одновременно с этим Г. Фишер в качестве директора возглавил Музей натуральной истории Московского университета. Ядро музея составляла коллекция минералов и горных пород, некогда принадлежавшая фрайбергскому химику, металлургу и минералогу И.Ф. Генкелю (1679—1744), в лаборатории которого в 1739—1740 гг. изучал минералогию, горное дело и металлургию М.В. Ломоносов. После смерти Генкеля эта коллекция была куплена горнопромышленником Н.А. Демидовым (принадлежавшим к тому же роду, что и П.Г. Демидов) и подарена им в 1759 г. Московскому университету, в дальнейшем она пополнялась за счет различных пожертвований и приобретений. В 1791 г. на базе этих коллекций в университете был открыт Музей натуральной истории, первым директором которого был профессор натуральной истории, практической медицины и химии Ф.Г. Политковский. В 1804 г. вместе с пожертвованием средств на учреждение “Демидовской кафедры натуральной истории” П.Г. Демидов преподнес в дар Московскому университету огромную личную коллекцию минералов, горных пород и руд, по своему богатству втрое превосходившую все другие коллекции, входившие к этому времени в университетский Музей натуральной истории.

Таким образом, в распоряжение Г. Фишера фон Вальдгейма фактически передавались коллекции нескольких музеев и частных собраний, которые он постепенно объединял в единое собрание фактически нового Музея натуральной истории Московского университета. Этот музей был торжественно открыт для публики в 1806 г., а уже в 1806—1807 гг. Г. Фишер опубликовал систематизированное описание его коллекций в 4-х томах, за что, как сообщается в его служебном формуляре, он получил от Александра I бриллиантовый перстень. Первый том — это описание коллекций Музея натуральной истории, существовавших до включения в его состав собрания П.Г. Демидова, а последующие три тома — полное описание богатейшей Демидовской коллекции. Как видно из содержания этих томов, в течение не более двух-трех лет Г. Фишером была проведена огромная работа по систематизации весьма обширных, но разрозненных материалов на основе разработанной им классификации минералов и горных пород, а также органических остатков. Образцом для него послужила систематизация экспонатов, разработанная в Парижском музее естественной истории.

В 1811 г. в университетской типографии вышла новая книга Г. Фишера “Система ископаемых, слу-

жащая основанием порядка, в каком расположены: они в Музее Императорского Московского Университета, изданная директором оного, профессором и кавалером Готтгельфом Фишером”. Эта книга объемом 178 страниц, с параллельным текстом на русском и французском языках представляла собой попытку классификации минералов и горных пород на основе разработанной автором единой иерархической системы, в которой в минеральном царстве (подобно линнеевской систематике растений и животных) выделялись такие же таксономические ранги подразделений: классы, разряды (или порядки), семейства, роды и виды. Хотя Фишер и декларировал в предисловии к этой книге, что его классификация минеральных тел основана на системе А. Вернера, опиравшейся на отличия в их внешних признаках, но, по существу, при подразделении на классы, порядки и даже семейства он, вслед за французским минералогом Р. Гаюи (1718), в основном руководствовался критериями различий в химическом составе минералов, и лишь при подразделении семейств на роды и виды, следуя своему учителю А. Вернеру, исходил из различных внешних признаков минералов. Содержание книги “Система ископаемых” позднее было развито и углублено автором в объемном двухтомном труде Г. Фишера “Ориктогнозия” (1818—1820).

В этих книгах Фишером разработана номенклатура и синонимика названий минералов и других употребляемых в минералогии терминов на русском, немецком и французском языках. Прекрасный перевод его написанного по-немецки учебного пособия “Ориктогнозия” на русский язык был выполнен секретарем и постоянным сотрудником Фишера Ст.А. Масловым, выработанный которым научный язык, как отметил Г.Е. Щуровский (1878), послужил образцом для всех последующих русских работ по минералогии.

Успешная деятельность Г. Фишера по расширению Музея натуральной истории Московского университета, пополнению и систематизации его коллекций в середине 1812 г. была прервана вторжением наполеоновской армии в пределы России, а затем пожаром Москвы, в котором пострадали здания Московского университета. Плоды более чем пятидесятилетних трудов создателей его уникальных коллекций, университетской библиотеки и собрания древних рукописей, и в том числе восьмилетние усилия Г. Фишера по формированию естественнонаучного музея Московского университета, были почти полностью уничтожены этой катастрофой.

Удалось спасти и вывезти из Москвы в Нижний Новгород лишь некоторые самые драгоценные предметы из музея и библиотеки. Гибель коллекций университетского музея стала для Г. Фишера страшным потрясением, от которого он с трудом оправился. По воспоминаниям современников, в памятном 1812 г. “Фишер, чтобы спасти как можно больше

предметов университетского музея, пожертвовал своей библиотекой и своими личными собраниями, многие из которых были особенно дороги для него, как образцы предметов, описанных в его сочинениях”.

В конце 1813 г. спасенные от пожара и разграбления сокровища музея и библиотеки университета стали возвращаться в Москву. При деятельном участии Г. Фишера начался период восстановления Музея натуральной истории за счет пожертвований частных лиц (в том числе, Н.Н. Демидова), а также приобретений и других новых поступлений. В 1816 г., согласно ведомости, составленной Г. Фишером, в коллекциях музея уже насчитывалось около 5 тыс. экземпляров минералов, в том числе драгоценных камней, и остатков ископаемых животных, растений, а также сотни книг и графических материалов. Всего через пять лет после вторжения наполеоновских войск, опустошительного пожара и освобождения Москвы, 6 июля 1817 г. во вновь отстроенном по проекту архитектора Жилярди здании Московского университета для посетителей были торжественно открыты Музей естественной (натуральной) истории и университетская библиотека.

Педагогическая деятельность профессора Г.И. Фишера, начиная с 1804 г., как уже говорилось, протекала в Московском университете, где он читал курсы зоологии и минералогии. Несколькими годами позже он развернул свою деятельность в московском отделении Петербургской медико-хирургической академии, куда он был приглашен возглавить кафедру натуральной истории и где, как и в Московском университете, он до середины 30-х годов читал аналогичные курсы зоологии и минералогии.

Для “употребления в классах” студентами-медиками этой академии он составил и опубликовал два учебных руководства — по зоогнозии (т.е. зоологии) и по ориктогнозии, а также создал при академии “кабинет натуральной истории”, содержащий, между прочим, и “полное систематическое собрание минералов, над коими мои совоспитанники могут практически обучаться ориктогнозии” [12, с. V]. Вскоре Г. Фишер занял пост вице-президента Медико-хирургической академии и возглавил в качестве директора ее московское отделение. Работа Фишера в московском отделении Медико-хирургической академии закончилась в 1835 г., а в 1840 г. оно было закрыто и деятельность академии с этого времени целиком сосредоточилась в Петербурге. Двухтомный труд Г. Фишера “Ориктогнозия, или краткое описание всех ископаемых веществ, с изъяснением терминов” [12], напечатанный в типографии московского отделения Медико-хирургической академии, как уже говорилось, представляет одно из первых в русской научной литературе руководств по минералогии.

Складывается впечатление, что собственно педагогическая работа профессора Г. Фишера по чтению лекций и подготовке учебных пособий в Медико-хирургической академии была более эффективной и

результативной, чем в Московском университете. В Медико-хирургической академии, где его слушателями были главным образом будущие военные врачи, многие из которых окончили до академии духовные семинарии и хорошо знали латынь, Фишер, читавший лекции на латинском языке, фактически не имел конкурентов в преподавании таких естественно-научных дисциплин, как зоология, анатомия человека и минералогия (ориктогнозия).

Один из последних студентов московского отделения этой академии, впоследствии известный антрополог В.Н. Бензенгр, слушавший лекции Фишера в 1833 г., вспоминал, как он читал, “сидя на кафедре во фраке со звездой, часто поправляя двумя первыми сложенными пальцами правой руки густо напомаженные седые волосы на висках, а левой рукой поправляя и как бы укрепляя звезду... зоологию по латыни, начав с обезьян... а его ассистент К.Ф. Рулье разносил чучела животных, вынимаемых тут же из шкапов стариком Юдицким, препаратором при Фишере... Мне казалось тогда, что он читает прекрасно... Читал он изустно, поглядывая только изредка на лежащие пред ним листочки, подробно, ясно, правда, с сильным немецким акцентом... К концу года зоологию я знал хорошо, — разумеется, в размерах преподавания”.

В бытность профессором и руководителем московского отделения Медико-хирургической академии Г. Фишер воспитал нескольких выдающихся естествоиспытателей широкого профиля, впоследствии ставших профессорами Московского университета.

Из них упомяну одного из первых его студентов А.Л. Ловецкого (1787—1840), в 1835 г. сменившего его на университетских постах заведующего Демидовской кафедрой натуральной истории и директора Музея натуральной истории, декана физико-математического отделения Московского университета, автора одного из первых университетских учебников “Начальные основания минералогии. Ч. 1. Ориктогнозия” (1830), а также одного из последних студентов Г. Фишера, глубоко преданного своему учителю и старшему другу, исключительно талантливого зоолога, к сожалению, безвременно ушедшего из жизни К.Ф. Рулье (1814—1858), с 1842 г. — экстраординарного профессора, а с 1850 г. — заведующего кафедрой зоологии Московского университета, одного из первых российских палеонтологов и биологов-эволюционистов додарвиновского периода, блестящего лектора, популяризатора естественных наук и многолетнего секретаря Московского Общества испытателей природы.

В Московском университете, где Г. Фишер как глава Демидовской кафедры натуральной истории читал лекции по зоологии и минералогии (или ориктогнозии), параллельно с ним те же предметы преподавали и профессора других кафедр. В 1804 г. в связи с реорганизацией структуры университета

вместо ранее существовавших факультетов, где преподавались элементы естественных (в том числе, геолого-минералогических) наук, — медицинского (на кафедре натуральной истории) и философского (на кафедре экспериментальной и теоретической физики), были учреждены соответствующие им отделения — врачебных, или медицинских, наук, физических и математических наук. В рамках отделения медицинских наук вместо кафедры натуральной истории были созданы самостоятельные кафедры зоологии, ботаники и минералогии. В составе отделения физических и математических наук, наряду с кафедрами математики, астрономии, физики, химии, технологии, были учреждены кафедра ботаники и кафедра минералогии и сельского домоводства (позднее — минералогии и сельского хозяйства).

Этой кафедрой с 1804 по 1818 г. руководил А.А. Антонский-Прокопович, неоднократно избиравшийся деканом физико-математического отделения и трижды назначавшийся ректором университета, а с 1821 по 1826 г. — талантливый и широко образованный русский физик, агроном и блестящий лектор профессор М.Г. Павлов (1793—1840). Позднее (с 1827 по 1836 г.) Павлов возглавил кафедру физики и физической географии, а с 1836 г. преподавал в университете технологию, сельское хозяйство и лесоводство. Если Антонский-Прокопович был не более чем дилетант и популяризатор тех наук, о которых он читал лекции, следуя крайне устарелым источникам, то М.Г. Павлов был одним из наиболее передовых и популярных в 20—30-х годах профессоров Московского университета, которые стремились будить мысль молодежи.

А.И. Герцен, который ревностно занимался у Павлова, писал в “Былом и думах”: “Университет... не должен оканчивать научное воспитание... его дело — возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно это-то и делали такие профессора, как М.Г. Павлов... Но больше лекций и профессоров развивала студентов аудитория юным столкновением, обменом мыслей, чтений... Московский университет свое дело делал; профессора, способствовавшие своими лекциями развитию Лермонтова, Белинского, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могут спокойно играть в бостон и еще спокойнее лежать под землей”. С 1827 г. должность главы кафедры минералогии и сельского хозяйства в университете и чтение курса минералогии принял на себя один из бывших учеников Г.И. Фишера по Медико-хирургической академии профессор А.Л. Ловецкий, а в 1834 г. Г.И. Фишер передал ему и руководство Демидовской кафедрой натуральной истории и Музеем натуральной истории Московского университета.

Естественно, что большинство студентов медицинского и физико-математического отделений Московского университета предпочитали слушать лекции по минералогии и зоологии на русском языке, особенно когда их читал такой прекрасный

лектор, как М.Г. Павлов, а не по латыни, как читал их на высоком научном уровне, но несколько сухо-вато, Г.И. Фишер в своих факультативных курсах.

Замечу, что в первой половине XIX в. в Московском университете существовали натянутые отношения и даже вражда между немецкой и русской “партиями” профессоров, “мирно ненавидевшими друг друга”, о чем в несколько гротескной форме повествует Герцен в “Былом и думах”: “Немцы, в числе которых были люди добрые и ученые, как Лодер, Фишер, Гильдебрандт и Гейм (ректор университета. — *Е.М.*), вообще отличались незнанием и нежеланием знать русского языка, хладнокровием к студентам, духом западного клиентизма, ремесленничества, неумеренным курением сигар и огромным количеством крестов, которых они никогда не снимали. Не-немцы, со своей стороны, не знали ни одного живого языка, кроме русского, были отечественно раболопны, семинарски-неуклюжи, держались, за исключением Мерзлякова, в черном теле и вместо неумеренного употребления сигар употребляли неумеренно настойку. Немцы были больше из Геттингена, не-немцы — из поповских детей” [4, гл. 6].

По свидетельству А.П. Богданова, отношение к Фишеру его русских друзей и учеников показывает, что он стоял вне борьбы этих “станов”. “Человеку, отдававшему с увлечением почти все свое время научной работе, а немногие досуги — занятию музыкой и изящной литературой, не свойственно было вникать в те мелочи служебного порядка, интерес к которым и вовлекает чаще всего людей в столкновения” [6].

Едва ли не важнейшим делом всей жизни Г.И. Фишера фон Вальдгейма, к осуществлению которого он приступил вскоре после приезда в Москву в 1804 г., было создание при Московском университете старейшего естественно-научного общества в России — Московского общества испытателей природы, которым он руководил на протяжении 48 лет. История его возникновения была освещена В.П. Гурьяновым [5] и Э.Н. Мирзояном [8]. Идея создания при Московском университете научных обществ принадлежала М.Н. Муравьеву и была отражена в Уставе университета, где говорилось, что “к особливому достоинству Университета относится составление в недрах оногo Ученых Обществ, как упражняющихся в Словесности российской и древней, так и занимающихся распространением наук опытных и точных, основанных на достоверных началах”.

Одним из таких обществ стало Московское общество испытателей природы. Инициатором его учреждения был Г.И. Фишер, обратившийся в конце 1804 г. к М.Н. Муравьеву с подобным предложением. Последний в своем письме к ректору Московского университета А.Х. Чеботареву от 20 декабря 1804 г. сообщил, что “похваляя Г. Фишера за мысль учредить Общество испытателей отечественной натуральной истории, желает, чтобы он прислал начерта-

ние оного”, т.е. высказал пожелание, чтобы оно создавалось при университете. В соответствии с пожеланиями Муравьева Фишер составил проект устава и, обсудив его с группой ученых, ставших учредителями общества, представил проект М.Н. Муравьеву. В ответном письме Фишеру от 23 июня 1805 г. Муравьев поблагодарил его за услуги, оказанные им университету, за проект Общества натуралистов и просил “распространить славу наук в России за пределы империи; приобщить к Университету прославившихся в натуральной истории мужей” [5]. Муравьев одобрил устав общества, а после утверждения правительством представил его Александру I во время личного свидания, о чем Муравьев сообщил Фишеру в письме от 16 августа 1805 г.: “Усердием Вашим Вы споспешествовали к основанию при Московском университете общества испытателей природы. Государь император, по всеподданнейшему докладу моему о том, приняв подвиг сей с удовольствием, повелел мне объявить Вам Высочайшее свое благоволение”.

Наконец, 18 сентября 1805 г., через 50 лет после открытия Московского университета, состоялось первое научное заседание Московского общества испытателей природы (МОИП). Согласно уставу, оно учреждалось при Московском университете, имея главными своими задачами сделать “известною естественную историю обширной Российской империи”, а также собирание произведений России по минералогии, ботанике, зоологии, земледелию, промышленности и поиски новых предметов российской торговли, т.е. должно было сочетать решение как теоретических естественнонаучных проблем, так и актуальных для экономики России практических вопросов. Формально главой общества был президент, назначаемый правительством из числа известных государственных деятелей, преимущественно попечителей университета и Московского учебного округа. Первым президентом МОИП был назначен граф Алексей Кириллович Разумовский, который (после смерти М.Н. Муравьева в 1807 г.) стал попечителем Московского университета, а в 1810 г. — министром народного просвещения и во многом способствовал укреплению авторитета общества. Однако, согласно уставу, непосредственно руководство научной деятельностью МОИП возлагалось на его директора, и первым директором МОИП был пожизненно избран профессор Г.И. Фишер фон Вальдгейм, выполнявший эту обязанность на протяжении 48 лет, до своей кончины в 1853 г. Затем, вплоть до 1872 г., пост директора МОИП занимал его сын, профессор ботаники Александр Григорьевич Фишер, который (после упразднения этого поста и введения выборности президента в либеральную эпоху царствования Александра II) стал в 1872 г. первым избранным президентом МОИП.

Директору общества в его работе помогали два секретаря и казначей. Финансирование осуществля-

лось за счет членских взносов (довольно высоких) и добровольных пожертвований, а также нерегулярной и в целом незначительной материальной помощи со стороны правительства. При обществе была создана научная библиотека; ядро ее составила личная библиотека Г.И. Фишера, которая затем систематически пополнялась за счет обмена научными изданиями с десятками, а позднее — даже с сотнями университетов, других научных учреждений, обществ и библиотек в России и за рубежом, а также добровольных пожертвований периодических изданий, книг, картографических материалов и пр., а иногда и целых библиотек. В начале XX в. она стала одной из самых богатых научных библиотек России. В общество стали поступать также гербарии и другие коллекции ботанических и зоологических объектов, минералов, горных пород и руд, научные приборы и пр., которые обрабатывались членами общества, но поскольку оно существовало при Московском университете, то директор МОИП направлял их на пополнение коллекций его естественно-научных музеев, кабинетов и лабораторий. На базе этих коллекций впоследствии возникли зоологический, антропологический, геологический и минералогический музеи Московского университета и др.

Главными формами деятельности общества были научные заседания, неизменно проходившие под председательством его директора Г.И. Фишера, а также доклады членов (или кандидатов для избрания в члены). На заседания первоначально собирались члены МОИП независимо от специальности, их работы публиковались в изданиях общества. Согласно уставу МОИП, для избрания в число его членов было необходимо представить какое-либо уже опубликованное или рукописное научное произведение, рекомендацию одного из членов общества, прочитать доклад на его заседании и получить при баллотировке не менее трех четвертей голосов присутствующих. Вместе с тем в уставе говорилось, что оно “с удовольствием позволяет находиться при своих собраниях младым питомцам наук, имеющим особенную склонность к тем знаниям, которыми оно занимается”, и что “оно постарается еще более возбудить в них сию склонность тем отличием, что будет принимать их в свои члены, когда они окажут себя того достойными”. Уже в декабре 1806 г., т.е. через год после создания МОИП, вышел первый том научных трудов членов общества, который его попечитель граф А.К. Разумовский преподнес в 1807 г. императору Александру I. Как сообщает историограф Московского университета С.П. Шевырев: “Государь выразил свое благоволение Председателю Общества... Общество составило план систематическому описанию Московской губернии в отношении к топографии, статистике, естественной истории, наблюдениям астрономическим, определению географической широты и долготы мест и пр. Император, одобряя предприятие, пожаловал Обществу едино-

временно 5000 рублей на издержки из училищного капитала". "Благоволение Императора к полезным трудам Московского Общества Испытателей природы" выразилось также в том, что ему было "дозволено именоваться Императорским" [15].

В дальнейшем научные труды членов общества под названием "Записки", а с 1809 г. — "Мемуары Императорского Московского общества испытателей природы" публиковались систематически, с 1829 г. общество стало выпускать и свой научный журнал — "Бюллетень МОИП", статьи в котором первоначально публиковались на французском или немецком языках. Главным редактором всех этих научных изданий МОИП вплоть до своей кончины оставался Г.И. Фишер. Кроме того, он изыскивал средства на проведение разнообразных полевых экспедиционных исследований — геолого-минералогических, ботанических, зоологических, почвенных, топографо-геодезических, физико-географических др., а также на собирание исторических и статистических сведений.

В основном эти исследования проводились под руководством Г.И. Фишера при деятельном участии его учеников и коллег — К.Ф. Калайдовича, К.Ф. Рулье, Г.Е. Щуровского, И.Б. Ауэрбаха и других — на территории Московской губернии и прилегающих к ней районов центральной части Русской равнины. Московское общество испытателей природы, "у руля" которого Г.И. Фишер фон Вальдгейм в качестве директора, несмотря на слабеющие силы и прогрессирующую потерю зрения, оставался после ухода с других официальных постов вплоть до кончины в 1853 г., уже на этом, первом этапе своей деятельности сыграло важную плодотворную и объединяющую роль в естественно-научном исследовании природы России, поднятии интереса к естествознанию в кругах столичной и провинциальной русской интеллигенции. Оно во многом содействовало укреплению авторитета России и ее ученых в мировом научном сообществе. И во всем этом велики заслуги основателя МОИП и его бессменного руководителя на протяжении почти 50 лет.

Знаменательным событием в истории МОИП, особенно радостным для его Президента, стало торжественное заседание, состоявшееся в ноябре 1829 г. в Московском университете, на котором Московское общество испытателей природы чествовало своего почетного члена и почетного члена Петербургской академии наук, великого немецкого естествоиспытателя и путешественника, а Фишер — своего старинного и любимого друга со времен их совместной учебы во Фрайбергской горной академии — Александра фон Гумбольдта, возвращавшегося в Германию через Москву и Петербург из продолжительного, 23-недельного путешествия длиной почти

в 15 тысяч верст по Русской равнине, Уралу, Западной Сибири, Алтаю и Прикаспию.

Об этой церемонии в несколько шуточных тонах рассказал в "Былом и думах" ее очевидец А.И. Герцен, в то время студент Московского университета: "Прием Гумбольдта в Москве и Университете — дело нешуточное. Генерал-губернатор, разные вое- и градоначальники, сенат — все явилось: лента через плечо, в полном мундире, профессора воинственно при шпагах и с треугольными шляпами под рукой. Гумбольдт, ничего не подозревая, приехал в синем фраке с золотыми пуговицами и, разумеется, был сконфужен. От сеней до залы Общества естествоиспытателей везде были приготовлены засады: тут Ректор, там Декан, тут начинающий профессор, там ветеран, оканчивающий свое поприще, — каждый приветствовал его по-латыни, по-немецки, по-французски, и все это в страшных каменных труппах, называемых коридорами, в которых нельзя остановиться на минуту, чтобы не простудиться на месяц. Гумбольдт все слушал без шляпы и на все отвечал. Я уверен, что все дикие, у которых он был, краснокожие и медного цвета, сделали ему меньше неприятностей, чем Московский прием. Когда он дошел до зала и уселся, тогда надобно было встать. Попечитель Писарев счел нужным в кратких, но сильных словах *отдать приказ*, по-русски, о заслугах его превосходительства и знаменитого путешественника, после чего Сергей Глинка³, "офицер", голосом 1812 года, густо-сиплым, прочел свое стихотворение, начинавшееся так: Humboldt — Promethee de nos jours! (Гумбольдт — Прометей наших дней! — *франц.*). А Гумбольдту хотелось потолковать о наблюдениях за магнитной стрелкой, сличить свои метеорологические заметки на Урале с Московскими; вместо этого Ректор пошел ему показывать что-то сплетенное из волос Петра I... Насилу Эренберг и Розе нашли случай кой-что рассказать о своих открытиях" [4, гл. 6].

Обращаясь к личным научным исследованиям Г.И. Фишера после его приезда в Россию, надлежит отметить, что в течение нескольких десятилетий он неутомимо занимался изучением современной и ископаемой фауны, геологии и минералогии на территории центральных областей европейской части России и, прежде всего, Московской губернии, организуя экспедиции, в которых, как уже упоминалось, принимали участие его студенты и бывшие ученики, а также сотрудники и коллеги по Московскому университету и МОИП. Хотя после потрясений, бедствий и невозвратных утрат, связанных с Отечественной войной 1812 г., далеко не все, задуманное им, удалось осуществить, итоги его трудов в области естественно-научного изучения России оказались весьма значительными. Результаты зоологических исследований Г.И. Фишера были опубликованы, в

³ С.Н. Глинка — русский писатель, драматург и журналист, участник военных походов 1812—1815 гг.

частности, в его фундаментальной многотомной монографии “Энтомография России”, посвященной описанию насекомых европейской части нашего отечества (первый том которой вышел в 1820 г., а последний, пятый том, он редактировал в 1851 г. незадолго до смерти), а также в его многочисленных других работах.

Итоги геолого-минералогических и палеонтологических исследований Г.И. Фишера в России отражены в капитальном труде “Ориктография Московской губернии” [13] и множестве других его публикаций, значительная часть которых была напечатана в трудах МОИП на латинском, французском и немецком языках, благодаря чему их результаты сразу приобретали широкую европейскую известность. Всего в России им опубликовано не менее 212 научных работ. За это время в своих геолого-палеонтологических трудах он изучил и описал около 200 родов и видов ископаемых организмов, среди которых много новых, ставших руководящими форм, в 1834 г. он впервые ввел в русскую научную литературу термин “палеонтология”.

Во вводной, или географической, части “Ориктографии” автор приводит сведения о рельефе, гидрографической сети и климате Подмоскovie, населенных пунктах, занятиях жителей, а также истории этого региона. Во второй, собственно геологической части Г.И. Фишер, который был пионером в изучении осадочных толщ Московской губернии и прилегающих территорий европейской части России, дал их описание, попытался установить стратиграфическую последовательность и геологический возраст и сопоставить их с одновозрастными отложениями Западной Европы. Необходимо заметить, что в 10–20-х годах и начале 30-х годов XIX в., когда Г.И. Фишер проводил свои геологические исследования в Подмоскovie, в Западной Европе еще только начинала формироваться единая стратиграфическая шкала для фанерозоя. Поэтому решение этих задач представлялось исключительно трудным делом, так как толщи верхнего палеозоя и большей части мезозоя на Восточно-Европейской равнине (кроме меловых), как правило, литологически резко отличаются от одновозрастных отложений в Западной Европе, а стратиграфическая принадлежность заключенных в этих толщах остатков многих ископаемых организмов, в том числе изученных и описанных Г.И. Фишером, еще не была достоверно установлена. Не удивительно, что Фишер, следуя представлениям своего учителя Вернера, ошибочно предполагавшего, что на Земле в разные геологические эпохи повсеместно отлагались однотипные осадки, сделав некоторые правильные выводы, допустил ряд существенных ошибок при установлении стратиграфических соотношений возраста некоторых распространенных в

Подмоскovie верхнепалеозойских и мезозойских толщ.

Так, полемизируя с московским натуралистом Р.Ф. Германом, считавшим что “московская формация” (т.е. толща известняков, которая, как выяснилось впоследствии, принадлежит к карбону) залегает выше меловой, Фишер справедливо доказывал ее более древний, домеловой, возраст, но вместе с тем ошибочно относил ее к верхней юре (сопоставляя с формацией оолитовых известняков Западной Европы), а вышележащие верхнеюрские глины — к лейасу. Кроме того, Фишер ошибочно выделил на всей Восточно-Европейской равнине кейпер, т.е. верхний триас, неправильно отнеся к нему распространенные к западу от Подмоскovie девонские образования, а к востоку от Подмоскovie — пермские отложения.

Эти ошибки и неточности вскоре были обнаружены и исправлены его русскими коллегами. Много позже, в 1871 г., Г.Е. Щуровский отмечал, что «современное состояние геологии Фишеру было мало известно⁴. Издавая “Ориктографию”, он все еще находился под влиянием вернеровского направления и постоянно увлекался наружными, или петрографическими, признаками формаций». Но, несмотря на это, “Ориктография” Фишера не потеряла своего значения; главнейшее ее достоинство всегда состояло не в геологии, а в палеонтологии, в определении и описании тех ископаемых, которые находят в московских формациях и служат надежными объективными критериями для установления их возраста [16].

Завершая краткий и неизбежно неполный обзор научной и общественной деятельности Г.И. Фишера фон Вальдгейма в России, следует отметить, что его заслуги получили широкое и справедливое признание как в нашей стране, так и за ее пределами. Петербургская академия наук избрала его своим членом-корреспондентом (1805), а затем почетным членом (1819). Он был избран также членом Американской, Перуанской, Туринской, Мюнхенской академий, директором Московского общества сельского хозяйства, членом королевского геологического и линнеевского обществ в Швеции, членом королевского экономического общества в Лейпциге, медицинских обществ в Париже и Эрлангене, Азиатского общества в Калькутте, почетным членом Казанского и Виленского университетов. Он основал Зоологический музей при Московском университете, музей при московском отделении Медико-хирургической академии и пр.

О личности Г.И. Фишера мы знаем больше всего из воспоминаний профессора химии Московского университета Р.Г. Геймана, которыми он поделился вскоре после кончины Фишера в своей речи на торжественном собрании по случаю 50-летия

⁴ Г.Е. Щуровский имел в виду состояние геологии в Европе в 20-х — первой половине 30-х годов XIX в., когда Г.И. Фишер проводил геологические исследования в центральной части Русской равнины.

МОИП, опубликованной в 1871 г.: “Смело можно сказать, что история Общества есть история дел, в которых Фишер был руководителем и главным действующим. Но заслуги Фишера перед Обществом и перед наукой всем хорошо известны. Я желал бы лучше напомнить некоторыми чертами личность Фишера, живущую еще в памяти многих из Вас... Фишер был роста несколько больше среднего, сложения крепкого, несколько полного, благородной осанки, приветливой наружности. Черты лица его, хотя были неправильны, отличались особенно приятным выражением. Голубые глаза выражали постоянное добродушие, пронизательность и иногда тонкую, но всегда добродушную иронию... Детство и воспитание Фишера протекало в весьма благоприятных условиях благодаря его матери... Естественным следствием этого были кротость, добродушие, ровность характера, младенческая веселость, ничем не помрачаемая душевная ясность, никогда не оставившие Фишера... Он отличался также твердостью характера и самоотвержением, проявившимся в различных трудных случаях его жизни. Так, в памятный 1812 год, чтобы спасти как можно больше редких предметов Университетского Музея, он пожертвовал своей библиотекой и своими личными, особенно дорогими для него собраниями. В 1830 году Фишер был за границей, где осматривал музеи и общался с первоклассными европейскими учеными, но, узнав о появлении в Москве холеры, он немедленно выехал обратно в Москву. Ни начатые труды и просьбы ученых друзей его молодости, ни трудности путешествия в глубокую осень не могли удержать его. Он поехал, чтобы разделить опасность со своими родными и друзьями. Безропотно и терпеливо пережил он тяжелое испытание — болезнь глаз, которая окончилась слепотой... Померкли его очи, но дух остался по-прежнему светел и спокоен, деятелен и бодр. Его многосторонняя научная деятельность не прекратилась. Родственная рука передавала бумаге плоды его научных, поэтических, музыкальных трудов. До последнего мгновения своей прекрасной жизни маститый старец сохранил душевную свежесть и живую восприимчивость ко всему высокому и прекрасному... Свои редкие досуги Фишер посвящал поэзии и музыке.

Он особенно любил Генделя, Гайдна, Моцарта и Бетховена. Сам Фишер был даровитый музыкант и поэт в душе. Многие из его напечатанных музыкальных произведений оценены знатоками музыки... Эта постоянная жизнь в области науки и искусства, смягчающая и облагораживающая человеческое сердце, отразилась во всем существе Фишера... И знакомые представители науки и искусства, жившие в Москве, и особенно приезжие искали его поучительной и радушной беседы... Многие из нас еще

помнят еженедельные вечера в доме Фишера, на которых кантаты Генделя, Гайдна и целые оперы Моцарта исполнялись любителями музыки... Полное знание музыки и приятный тенор Фишера были украшением этих вечеров”.

Г.И. Фишер не был новатором и пролагателем новых путей в науках, но обладал энциклопедическими знаниями во многих отраслях природоведения (в его время еще мало дифференцированного), был неутомимым и целеустремленным энтузиастом и великим тружеником, всю жизнь стремившимся к упорядочению и систематизации знаний о Земле и жизни современной и древней, преданным благородным идеям просвещения общества и процветания России — страны, которую он избрал еще в молодости своей второй родиной и с которой в течение 50 лет разделял все радости и несчастья.

Фишер оставил после себя два замечательных памятника — собранные и систематизированные им бесценные геолого-минералогические и биологические коллекции, ставшие основой фондов ряда естественно-исторических музеев как Московского университета, так и Российской Академии наук (в частности, современного Геологического музея им. В.И. Вернадского), и созданное по его замыслу и “взлелеянное” им старейшее в России Общество натуралистов при Московском университете — Московское общество испытателей природы, ныне приближающееся к своему славному двухсотлетию юбилею. О роли Г. Фишера в его создании и руководстве прекрасно сказал его верный ученик и друг, секретарь Общества профессор К.Ф. Рулье на траурном заседании МОИП два дня спустя после кончины Фишера: “Среди его семьи, разбросанной во всех частях нашей родины (к ней мы должны отнести всех тех, которых он питал своей наукой, своим знанием), — среди этой семьи есть один отпрыск, которому он отдал в течение своей долгой жизни все, что есть в человеке лучшего и сильного... Этот дорогой ему отпрыск — это наше Общество, это мы сами. Для нас, его учеников, что может быть дороже этого? Что же нам сделать, чтобы не остаться в долгу перед ним? Как нам доказать ему нашу преданность? Так же, как и он доказывал ее нам: работой и привязанностью. Объединимся в одной мысли, в одной общей работе, в одной общей привязанности и будем преданны больше, чем когда-либо, ему и его делу... У меня есть и личный долг по отношению к нему, долг человека к человеку, долг ребенка к тому, кто его выкормил, и этот долг — это мое счастье”⁵.

Г.И. Фишер не создал новой научной школы, особенно в изучении Земли, да для этого в эпоху его активной деятельности в России не было необходимых условий, так как геологическая наука в то время, после открытия трудами Кювье и Смита

⁵ В сокращенном переводе Б.М. Житкова с французского протокола заседания МОИП 20.10.1853, опубликованного в 4-й книге Бюллетеня МОИП за 1853 г.

палеонтологического метода установления геологического возраста, последовательности и корреляции стратифицированных отложений, еще только начинала формироваться в Западной Европе, а Фишер, работая в России, оказался на “периферии” процесса становления геологии как науки. Однако он все же сделал первую, правда, не слишком удачную попытку использовать создаваемую трудами европейских корифеев “золотого века стратиграфии” шкалу при расчленении и установлении возраста осадочных формаций европейской части России. Как профессор Медико-хирургической академии, он выучил или оказал значительное влияние на своих даровитых питомцев (Ловецкого, Рулье и других), которые, будучи медиками, стали, как и он сам, натуралистами широкого профиля или даже полностью сменили медицину на геологию, как, например, Щуровский, заложивший основу формирования геологической школы Московского университета. И

К.Ф. Рулье, и Г.Е. Щуровский очень высоко ценили заслуги Г.И. Фишера в подготовке фундамента геологического образования в Московском университете. Тем же целям служили и многолетние героические труды Г.И. Фишера по созданию, а затем восстановлению, пополнению и научной систематизации материалов естественно-исторического музея и других музеев Московского университета.

Резюмируя, можно сказать, что Г.И. Фишер, приехав в Россию и отдав все свои силы и знания ее просвещению, подготовил и глубоко вспахал ту почву, на которой семена, брошенные его последователем Щуровским, дали свои всходы, т.е. стала формироваться геологическая (Павловская) школа Московского университета, с трудами которой на протяжении последних ста с лишним лет сказались связаны многие важнейшие достижения в познании геологического строения и развития Евразии и Земли в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданов А.П.* Карл Францевич Рулье // Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕА и Э.). М., 1885. Т. XLIII. Вып. 2 (глава II — Труды и деятельность Г.И. Фишера фон Вальдгейма).
2. *Варсановьева В.А.* Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М., 1965.
3. *Гейман Р.Г.* Воспоминания о покойном основателе Общества испытателей природы Г.И. Фишере фон Вальдгейме. Речь, произнесенная 29 декабря 1855 г. в собрании по случаю 50-летнего юбилея Общества. М., Изд. МОИП, 1871.
4. *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 1946. Гл. VI и VII.
5. *Гурьянов В.П.* К истории возникновения Московского Общества испытателей природы // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1953. Т. 58. Вып. 2. С. 93—96.
6. *Житков Б.М.* Г.И. Фишер (1771—1853). М., МОИП, 1940.
7. История геологических наук в Московском университете / Под ред. Д.И. Гордеева. М., 1962.
8. *Мирзоян Э.Н.* Московское Общество испытателей природы. 1805—1995. М., 1996.
9. *Рулье К.Ф.* Некролог Г.И. Фишера // Вестник естественных наук. 1854.
10. *Тихомиров В.В.* Геология в России первой половины XIX века. Ч. I. М., 1980.
11. *Фишер Г.* Система ископаемых. М.: Университетская типография, 1811.
12. *Фишер Г.* Ориктогнозия, или краткое описание всех ископаемых веществ, с изъяснением терминов. М.: типография Имп. Мед.-хирург. академии. 1818. Ч. I. XIV + 456 с.; 1820. Ч. II. 296 с.
13. *Фишер Г.* Ориктография Московской губернии (Orictographic du gouvernement de Moscou). М., 1837.
14. *Фишер Г.* Энтомография России (Entomographia imperii Rossici). Т. I—V. М., 1820—1851.
15. *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею 1755—1855. М., 1855.
16. *Щуровский Г.Е.* Готтгельф Фишер фон Вальдгейм, относительно его заслуг по минералогии, геологии и палеонтологии. Речь на заседании МОИП по случаю 100-летия со дня его рождения. Напечатана в издании “Юбилей Г.Е. Щуровского 27 августа 1878” // Изв. ОЛЕА и Э. 1878. Т. XXXIII. Вып. 2. С. 105—126.

Поступила в редакцию
25.09.2001